

ЗАЩИТА АСТРОЛОГИИ СТОИТ ПАРИЖА, ИЛИ О «МУЖЕСТВЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ РАЗУМ»

Бургете Аяла Марина Рикардовна,

*научный сотрудник Института философии РАН,
Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1*

ORCID: 0000-0001-7741-9983

Scopus Author ID: 57200338686

SPIN-код (РИНЦ): 4270-8728

AuthorID (РИНЦ): 183335

ResearcherID J-6575-2018

burguete@mail.ru

Аннотация

В статье представлен перевод фрагментов текста испанского мыслителя XVI века Мигеля Сервета «Рассуждение в защиту астрологии против некоего медика». Несмотря на то что в данном тексте затронута небольшая область знания, в которую входят медицина и астрология, взятые в их тесном взаимодействии, он наглядно демонстрирует характерную особенность философского миропонимания Сервета. В эпоху, о которой идет речь, объективные внутренние процессы, идущие в глубине парадигмы мышления, как вулканы прорываются в различных областях знания. Сервет – один из тех выдающихся людей, чья деятельность активизирует этот процесс. Он переступает границы, очерченные традицией и авторитетами, предвосхищая то, что в новой парадигме станет наибольшей ценностью, – получение нового знания. Эта небольшая работа имеет методологический характер и наглядно демонстрирует пример следования выбранному личному методу, не сворачивая с пути и пренебрегая возможными последствиями.

Сервет надеется убедить читателя в том, что медицина нуждается в дополнительных фактах, которые может предоставить знание законов движения небесных светил и их влияние на земные дела человека и состояние его здоровья. Наблюдение за астрономическими явлениями способствует, по его мнению, получению дополнительных знаний и опыта, полезного в медицинской практике. Выстроенная им система мироустройства объединяет несоединимое, нарушает границы предметных областей не только внутри науки, но и между наукой и теологией, что дает ему возможность рассуждать о различных гранях реальности. Он демонстрирует талант мыслителя, редкий и уместный во все эпохи, – видеть целое и не пренебрегать выходящими за общепринятые рамки знаниями, собирая общую картину бытия на всех возможных и доступных познанию уровнях: видимых и невидимых,

выразимых и невыразимых, земных и небесных, духовных и материальных, человеческих и божественных.

Ключевые слова: испанская философия, история медицины, астрономия, астрология, Мигель Сервет, границы научного знания, картина мира.

Библиографическое описание для цитирования:

Бургете Аяла М.Р. Защита астрологии стоит Парижа, или О «мужестве использовать свой собственный разум» // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 3, ч. 1. – С. 200–221. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.1-200-221.

Но если ты поймешь, как мало известно человеческому пониманию по сравнению с тем многим, чего оно не знает, и что со временем, изобретателем вещей, с каждым днем открывает всё больше во всех искусствах и видах знания, ты не допустишь, благосклонный читатель, того, чтобы несправедливая зависть, соперничество или корысть лишили мир возможности совершенствоваться в знании, которое важнее, полезнее и может принести человеку больше плодов.

Олива (Мигель) Сабуро

Введение

Всем известны ставшие крылатыми выражения: «Париж стоит мессы» и «Имей мужество использовать свой собственный разум». Первое приписывается Генриху Наваррскому в связи с его решением в 1593 году принять католичество; второе – Иммануилу Канту, предложившему такой перевод латинского «*Sapere aude*». В статье речь пойдет о реальном историческом факте: настойчивого отстаивания права человека иметь и высказывать собственное мнение, как бы оно ни было парадоксально и ни противоречило общепринятым нормам, и о том, что эта настойчивость буквально «стояла Парижа» тому, кто имел смелость быть последовательным и не отступить под напором обстоятельств.

В связи с темой семинара по географии рациональности, обозначенной как «выразимость невыразимого, парадоксов и границ человеческого мышления», задачей данной публикации будет ознакомление читателей с текстом испанского мыслителя XVI века Мигеля Сервета, ранее на русском языке не публиковавшимся. Попытаемся взглянуть на выбранный текст и обстоятельства его написания не только с точки зрения «официально признанного» научного знания, или даже знания «маргинального», отправленного в определенный исторический момент за пределы научного [8, с. 9], а увидеть в нем и в его авторе нечто большее. А именно проявление такого видения мира, которое обусловлено способностью и умением уви-

деть целое в разрозненном и, казалось бы, несовместимом; стремлением не отбрасывать «лишние», на первый взгляд, детали; не устанавливать или закрывать границы для человеческого познания; нежеланием отказываться от знаний, которые могут показаться избыточными или неуместными, даже если сегодня они не вписываются в привычную, общепринятую картину мира, даже если сегодня твой (человеческий) разум не видит «полочки», на которую эти знания можно положить и уместить в «установленном порядке» в заранее созданной «системе хранения».

Своеобразным побудительным мотивом, задавшим тему для обсуждения, стала книга Грэма Приста [7], но на выбор предлагаемого к рассмотрению текста она оказала влияние исключительно на визуальном уровне, вызвав определенные образные, довольно противоречивые ассоциации¹.

Когда сложилось название для этой статьи, возник вопрос, какой знак препинания поставить в конце: традиционную утверждающую точку, пафосный восклицательный знак, задумчивое многоточие или, возможно, знак вопросительный? И дело не только в пунктуации – это вопрос личного, авторского отношения к описываемому: персонажу, поступку, тексту, и тому смыслу и значению, выявление которого ставится как задача данной публикации.

Попытаемся разобраться по порядку, на время «забыв» о двух известных фактах, сопровождающих имя Мигеля Сервета на протяжении пяти столетий: о том, что он был злостным еретиком, проповедовавшим анти-тринитаризм, за что в 1553 году в Женеве был сожжен Жаном Кальвином на сырых дровах, и о том, что в 1694 году (т. е. спустя 142 года после публикации) английский филолог Уильям Уоттон в трактате «Размышления о древней и новой учености» (1694) сообщает, что в «Восстановлении христианства», уничтоженном вместе с автором², впервые в европейской литературе приводится описание малого круга кровообращения. Сделать это не просто, потому что «у Сервета не существует медицины и теологии отдельно; для него медицина – это теология, и теология – это

¹ На обороте книги указано, что «в оформлении обложки использована гравюра анонимного автора из книги Камилля Фламмарнона “Атмосфера. Популярная метеорология”, 1888 г.». Неоднозначная история происхождения этой гравюры, ее очередная трансформация («веселенькая» цветовая гамма и вполне современная картина космоса вместо архаичных механизмов, которая предстает перед изумленным «паломником», преодолевшим границу своей привычной картины мира) и то, что Фламмарнон, почитавший астрономию как науку о живой Вселенной, был противником астрологии, утверждавшим, что «астрология умерла окончательно, и убила ее наука», навели на мысль, что текст именно этой небольшой работы Мигеля Сервета будет интересен для обсуждения темы преодоления границ и расширения области научного мышления.

² Из предполагаемых 800 или 1000 вышедших из типографии книг до настоящего времени известно о трех уцелевших экземплярах.

медицина» [17, р. 31], и эта позиция «прорастает» через всё его миропонимание, связывая его в единый уникальный комплекс, что позволяет говорить о нем как о человеке, который «превосходит всех испанских ересиархов в смелости и оригинальности идей, в стройности и последовательности системы, в силе логики и в последующем распространении его заблуждений» [16, р. 47].

Персонаж. Мигель Сервет родился в 1511 году в Испании в Вильянуэва де Сигена (в 100 км от Сарагосы) в семье нотариуса. К 26 годам своей жизни он успел многое: поучиться на факультете права университета в Тулузе, побыть секретарем духовника императора Карла V, попутешествовать по Европе в его свите и присутствовать на коронации, вступить в дискуссию и поссориться с лидерами европейской реформации, опубликовав несколько полемических работ по теологии, в которых основным предметом анализа становится центральный догмат христианства о Троице. Затем следуют переезд во Францию, вынужденная смена имени, новые знакомства, род деятельности и интересы (подробнее см.: [2–5, 10–17]).

К этому моменту на его счету, помимо теологических, две серьезные научные работы: редактирование нового издания «Географии» Птолемея в латинском переводе Пиркхаймера и комментарии к нему (Лион, 1535 г.) [1, с. 150; 18, V.Ш, р. 7–101] и работа «Об универсальном использовании микстур» (*Syroporum universa ratio*, Париж, 1537 г.) [18, V.Ш, р. 119–153], выдержавшая 6 изданий еще при жизни автора. Рассуждения, посвященные процессу пищеварения, его улучшению и лечению в случае болезни, представляют наибольшую научную ценность этого труда. В нем дается не только множество конкретных рецептов и практических рекомендаций по составлению «сиропов»³, но и теоретическое обоснование их пользы для человеческого организма, и не только в качестве лекарства – сегодня описываемое воздействие этих препаратов можно сравнить с витаминами и биологически активными добавками. Перед нами не просто начинающий студент медицинского факультета Парижского университета, а, по словам его педагога Гюнтера из Андернаха, «непревзойденный знаток классических текстов, молодой человек, который никому не уступит первенства в знании Галена» [14, р. 115], ассистировавший профессору на вскрытиях после Везалия.

В предисловии к работе говорится: «В этом спорном вопросе (использовании микстур (*jarabes*). – М. Б.), по моему разумению, ни те ни другие

³ Под «сиропами» имеются в виду сладкие микстуры, приготовляемые на растительной основе, по-испански – «*Jarabes*» («арабские»), поэтому эта работа всегда сокращенно называлась именно так. Мы используем более привычный и принятый в русском языке термин «микстуры» (от лат. *miscere* – смешивать).

не дошли до сути дела. Я не считаю себя настолько достойным, чтобы занять место арбитра в их спорах, обвиняя тех и других и превратившись во врага для всех. Но для того чтобы никого не отвергать, то, чему я научился даром, или для того, чтобы не вступать между другими, что может помочь смертным, представляю и предложу то, что считаю наиболее верным. Я буду защищать то, что микстуры, или изготовленное сладкое питье, в итоге полезны не только для переваривания, а еще и для многого другого» [18, V.III, p. 123].

Этот небольшой отрывок довольно любопытен. Сервет явно извлек для себя из полемики с реформаторами очень важный урок, ведь он действительно стал «врагом для всех», о чем говорит сохранившаяся переписка [18, VI, p. 6–35]. Ранее, в одной из своих первых работ, он провозглашал: «Я не могу во всем согласиться ни с теми, ни с другими, ни всё отвергнуть. Каждый из них в чем-то прав и в чем-то заблуждается и каждый видит ошибки другого, но не замечает своих собственных...», обвиняя своих оппонентов в том, что они всего лишь «сражаются за почести», и призывал: «Господи, покарай всех тиранов церкви» [18, V.II, p. 481, 482]. Теперь же он выбирает более осторожный путь для возражения оппонентам, как современникам, так и непререкаемым авторитетам классикам: Галену, Гиппократу, Авиценне. Не опровергает открыто их мнения, но высказывает собственное, даже если оно противоречит общепринятому. Его цель на этот момент жизни – закончить образование, параллельно зарабатывая на жизнь с помощью уже имеющихся знаний и навыков. Хотя фармакология – предметная область дискуссии – не столь «опасна», как теология, споры и интриги в медицине XVI века кипят нешуточные [9]. При том что «медицина того времени была почти исключительно занятием филологическим, модные дискуссии вращались вокруг лучшей интерпретации текстов Галена и Гиппократа, восстановленных после стольких извращений в их оригинальном виде» [13].

Пребывание Мигеля Сервета в Париже в 1537–1538 годах имеет основательные документальные подтверждения. В их числе документы о зачислении на медицинский факультет (1537 и 1538 г.) Парижского университета и судебные акты: первый, зафиксировавший жалобу этого же факультета городским властям на Мигеля Вильяновано; второй акт – постановление и приговор, вынесенный трибуналом парламента Парижа [18, VI, p. 36–42]. Помимо обучения на факультете Сервет преподавал математику и читал публичные лекции по астрологии, пользовавшиеся успехом и собиравшие большую аудиторию. В то время во Франции предсказательная астрология фактически находилась под запретом, в Парижском университете против нее была развернута кампания, боровшаяся с шарлатанами. К их числу был причислен и испанский студент.

Поступок. В ответ на обвинения, выдвинутые парижскими медиками, обиженный и возмущенный запретом своих лекций Сервет всё же не выдерживает своей новой «осторожной» стратегии поведения и готовит и печатает «Рассуждение в защиту астрологии против некоего медика» (*In quendam medicum apologetica disceptatio pro astrologia*⁴), отстаивая полезность и научность преподаваемой им дисциплины. Известно, что работа была напечатана в Париже в 1538 году, без указания времени и места издания.

Представленный далее текст – подборка фрагментов этой работы. Перевод выполнен по изданию полного собрания сочинений Мигеля Сервета [18, V.Ш, исп. р. 256–277, лат. р. 482–511]. Работа совсем небольшая (по современным меркам порядка одного авторского листа), написана в жанре апологии. В испанском переводе, который выполнил Анхель Алькала, для удобства читателей в ней выделены подзаголовки: Введение. I. Авторы в пользу Астрологии: 1. Платон; 2. Аристотель; 3. Гиппократ; 4. Гален; II. Аргументы и ответы. Комментарии, которые сопровождают текст испанского перевода, помечены в квадратных скобках: [комм. А.А.]. Также сохранены в квадратных скобках помеченные римскими цифрами обозначения соответствующих частей латинского оригинала и испанского перевода.

Текст насыщен названиями работ и цитатами. Среди упоминаемых «Государство» и «Тимей» Платона, «Метафизика», «Физика», «Метеорология» Аристотеля, труды Гиппократа и Галена и многие другие. Несомненно, столь же интересно, сколь и необходимо (и это было бы отдельное источниковедческое исследование) проанализировать этот материал с точки зрения того, что собой представляли и как воспринимались ученым XVI века тексты античных авторов и насколько их можно соотносить с соответствующими текстами, доступными нам сегодня. Не имея возможности выполнить это в рамках данной публикации и с целью избежать путаницы, в предлагаемом тексте были удалены названия цитируемых и излагаемых Серветом работ и сделаны некоторые сокращения. Оставлены пересказы мнений авторов, которые он привлекает в поддержку своей позиции, комментарии к ним и его собственные высказывания. Это оправдано тем, что данный текст предлагается как пример, демонстрирующий определенный способ мышления, который является отличительной чертой этого мыслителя, независимо от того, в какой области разворачиваются его рассуждения, и тем, что работа публикуется фрагментарно.

⁴ Сохранилось 2 экземпляра издания, оба находятся в библиотеке Сорбонны.

Текст

Рассуждение в защиту астрологии против некоего медика

Когда я давал в Париже публичные лекции по астрономии, некий медик⁵ заставил меня прервать их и попытался стереть в порошок эту науку на базе двух аргументов: один против той ее части, которая предсказывает события в зависимости от звезд, и другой против той, которая наблюдает небесные движения посредством приборов.

С их помощью, будучи последователем другой персоны, лишенной подготовки и которая была его плохо информированным учителем⁶, он ничего не продемонстрировал, кроме своего невежества, потому что они оба опрометчиво осуждают нечто, о чем не знают абсолютно ничего. Тем не менее оба гордятся, с одобрения богов, тем, что они философы и ученые, несмотря на то что, если судить по этому происшествию, каждый может подтвердить, насколько они покинули своих учителей: Платона, Аристотеля, Гиппократ и Галена, потому что все они были близко знакомы с астрологией, тогда как эти не только признаются в полном невежестве в ней, а еще вдобавок нападают на нее с бесстыдством; одни провозглашают ее другом философии, а другие противницей.

Прежде всего перечислю свидетельства авторов, защищающих обе части астрологии, для того чтобы рассмотреть затем аргументы против них⁷.

[I. Авторы в пользу астрологии]

[1. Платон]

Первый, кого Сервет называет приверженцем идеи взаимосвязи небесных и земных процессов, астрономии, физики и медицины, – это Платон, которого он называет «божественным». Для него не подлежит сомнению, что для греческих и латинских авторов астрономия и астрология были одним и тем же. Он подчеркивает, что греки научились этому у египтян. Далее, упоминая «Физику» Аристотеля и описываемое им затмение Марса Луной, Сервет рассказывает о сделанном им расчете, предвещавшем аналогичное явление:

«В связи с этим добавлю следующее. Я наблюдал [III] с друзьями то же самое событие 12 февраля 1538 года. На следующую ночь Марс оставался заключенным Луной

⁵ Как утверждается в документах, опубликованных в [18, VI, p. 36–40], это был Жан Таго (Jean Tagault), декан медицинского факультета Парижского университета, который настроил городские власти против Сервета за то, что тот, по его мнению, практиковал предсказательную астрологию и проявил неуважение к его авторитету.

⁶ Возможно, это намек на Пико делла Мирандола (1463–1494), автора *Cabalistarum selectiora obscurioraque Dogmata*, который упоминается потом в том же смысле.

⁷ Это астрономия (астрология) *divinatrix* – предсказательная, которая стремится угадать и предсказать будущее, изучая звезды, и *demonstrativa*, или математическая, которая изучает их с помощью более или менее научных способов и инструментов. Оба значения слова начали разделяться в конце XVII – начале XVIII века, приобретая сегодняшнее значение [комм. А.А.].

в положении, близком к звезде Сердце льва⁸. Как следствие этого, я предсказал, что в этот же год произойдет то, что Сердце льва, т. е. отвага князей, поторопится взяться за оружие с Марсом, произойдет опустошение огнем и мечом, что Церковь сильно пострадает, многие князья умрут, и будет чума и другие несчастья, избави Бог! Но хватит об этом!»⁹.

Именно предсказания, сделанные Серветом в связи с этим затмением, вызвали у парижских медиков наибольшее негодование.

Сервет приводит имена Галена, Иосифа Флавия, Порфирия, Фалеса Милетского, Солона, Пифагора, Демокрита, Платона и других путешествовавших в Египет с целью научиться астрологии и геометрии и считавших науку египтян заслуживающей доверия:

«То есть большинству философов показалось достойным принять то, что сегодня взбрело в голову счесть смехотворным некоторым невеждам. Они настолько слепы, что никогда не обращают глаза к небу, чтобы увидеть то, что эта прекраснейшая машина создана Богом не напрасно. Тогда как и само Писание свидетельствует: для чего звезды были поставлены там Создателем как знаки, если не для того, чтобы что-то означать? Зачем такое разнообразие знаков, если не для того, чтобы означать разные вещи?»¹⁰»

[2. Аристотель]

Возвращаясь к изложению взглядов Аристотеля, высококвалифицированного, по мнению Сервета, в этом искусстве, на причины производства и распада земных существ, он добавляет: *«Жизнь и время каждого смертного отмерены этим круговым движением, и всё определено их соотношением [IV]. И что приближение к нам Солнца в Зодиаке – это причина возникновения, а его удаление – уничтожения. ...Наш внутренний мир является необходимым продолжением внешних влияний, от которых происходит вся их энергия...»*

Но ты скажешь: [V] *«могут не произойти многие вещи из предсказанных?»*. Аристотель возражает на это следующими словами: *«не является помехой, что многие вещи из предсказанных не происходят»*, и добавляет, чтобы доказать это, параллель, взятую из области более очевидной, которой является сравнение между астрологией и физиогномикой. И знаки, наблюдаемые на теле, и те, которые на небе, как и те, что предвещают дождь или ветер, не всегда сбываются. Причина в том, что если вступает другое какое-то изменение (искажение, порча), более сильное, чем то, которое указывает на будущее, тогда ничто не будет следовать за этим знаком. Так он говорит.

⁸ Звезда Регул – альфа Льва, Сердце льва (араб. Кальб Аль-Асад, лат. Rey, или Cor leonis)

⁹ Уже достаточно давно было подтверждено, что действительно 13 февраля 1538 года в 13 часов 9 минут 21 секунду в Париже можно было наблюдать затмение, предсказанное Серветом (по его утверждению) [комм. А.А.].

¹⁰ Сервет ссылается на слова из Быт.1, 14: *«И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной [для освещения земли] для отделения дня от ночи и для знамений, и времен, и дней и годов»*.

Если наш “logiatra”¹¹ увидел в этом аргумент против нас, также мог бы употребить его против Аристотеля в том, что нет науки физиогномики, потому что постоянно происходит так, что не всегда случается то, что физиогномисты предсказывают. И тогда Аристотель, написавший столько по физиогномике, выглядел бы полной бездарностью. Но надо заметить, сколь очевидно показывает здесь философ, что на небе есть знаки, которые предзнаменуют дожди и ветра. Некоторые из них видим в календарях; но я уже сказал, что нельзя сформулировать суждение только по ним, потому что им постоянно противостоят противоположные знаки. Тем не менее практикующий астролог может сравнивать все [знаки], и из наиболее частых и выдающихся сформулировать предписания – то, что также делают медики и физиогномисты. Нельзя считать позорным впадение в заблуждение, как это часто происходит в медицине, так как все эти науки в большей части основываются на предположениях; вещь, которую Гален утверждает где угодно, говоря о Медицине¹².

Поэтому медики более подвержены цензуре, будучи настолько слепы в этом материале, потому что нет ничего в астрологии, что не имело бы параллели по части медицины, что они называют семиотикой¹³, как я поясню в дальнейшем. Действительно, этот побочный фактор потрясения, о котором говорит Аристотель, делает ложным суждение [VI] медика, когда посещают пациента и учитывают внешние условия, легче, нежели астролога, потому что астролог, в отличие от медика, может знать о том, что могут произойти внезапные перемены.

На публичной лекции я привел один пример. В определенном случае, когда все считали, что пойдет дождь, я, судя по приближающемуся противостоянию звезд, предсказал, что будет дуть ветер, который подтолкнет облака. Также, когда все объявляли о холодной погоде, я, основываясь на других признаках, о которых не знают авторы календарей, предсказал и публично высказал мнение, что этой зимой не будет холодов. Многим это показалось превосходным, и действительность продемонстрировала, что я сказал правду.

Следовательно, я некоторым образом соглашусь с позицией тех, кто теряет свой авторитет, предсказывая только по календарю, пренебрегая нашим искусством¹⁴.

¹¹ Сервет употребляет неологизм собственного производства *noster logiatros*, что с очевидностью означает не «врачи», а презрительное «плохой логики» [комм. А.А.].

¹² В этом контексте Сервет имеет в виду коэффициент сомнения (неудачно называемый неопределенностью), который удручает все науки, когда в физическое поведение, предвиденное согласно общим основаниям и законам, вмешивается какая-то из называемых Галеном «*causas procatarticas*», или побочная причина [комм. А.А.].

¹³ *Ea medicinae parte quam vocant simiolicem*, искусство интерпретировать знаки, т. е. диагностика и прогностика. Сервет устанавливает разумную связь между знаками болезни и гороскопа [комм. А.А.].

¹⁴ Не будет лишним вспомнить: то, что Сервет в данном контексте именуется «искусством» (*arte*), соответствует тому, что мы сейчас называем «наукой», придавая этому слову благодаря влиянию чрезмерного эмпиризма, преобладающему с XVII века, смысл намного более широкий, чем тот, что соответствует греческому *episteme*. «Искусство» медицины, или астрологии, или физиогномики достигает в его понимании уровня, аналогичного научному [комм. А.А.].

Из всех суждений астрологии наиболее уязвимыми являются относящиеся к изменениям воздуха не только из-за других факторов, но и по причине различных особенностей неизвестных областей, таким же образом, как медики не знакомы со специфическими особенностями природ, о которых толкуют: на своих лекциях или уроках они очень хорошо излечивают человека вообще, но не конкретного Сократа или Платона.

Кроме этого, Аристотель говорит, что астрология очень близка к философии. Слышите? Очень близка к философии, которую сегодня отвергают наши “философы”. Он утверждает, что небо – это основная причина происхождения, вывода из этого, что существует небесное начало (основание); и что менструация у женщин происходит в четвертой фазе убывания Луны – подходящая аргументация, ведь четвертые фазы убывания Луны, т. е. окончания лунных месяцев, всегда более холодные [VII]. Запомните эти слова Аристотеля, так как никто не был так невежествен, как тот, кто благодаря простым наблюдениям не заметил, что более теплые дни бывают на растущей луне и в полнолуние, чем на убывании. Показано, что Луна как другое, маленькое Солнце управляет всеми порождениями и зарождениями, потому что движение этих светил производит нагревание и охлаждение, так же как и воздух и ветер приводятся в движение круговым движением Солнца и Луны; затем с неизбежностью происходят последствия, которые происходят из этого или укоренены в них.

Аристотель свидетельствует о том, что мор и голод следуют за соединением Сатурна и Юпитера. Он цитирует Фалеса Милетского, который благодаря астрологии узнал о большом урожае оливок и благодаря этому разбогател. По его мнению, небеса имеют силу и возможность для того, чтобы детерминировать рождение, старение и смерть и что границы жизни отмериваются их движением. От них происходят чудеса обновления, которые реализуются в определенные установленные моменты. Отсюда сила вездесущих ветров, молний, падающих с неба, грозových и ливневых дождей.

[3. Гиппократ]

Перейдем теперь к Гиппократу, отцу медицины. Он говорит, что астрология содействует медицине не минимально, а в основном таким образом, что тот, кто разбирается в изменениях погоды и появлении и исчезновении звезд, сможет предвидеть и спрогнозировать то, каким будет год. И тот, кто будет прогнозировать, сможет предсказать беды, которые постигнут город, и спасти индивидуально и персонально каждого, предлагая ему изменить его ритм жизни или диету. Следует избегать давать определенные препараты в определенные периоды, как, например, летнее солнцестояние или осеннее равноденствие. Таким же образом необходимо принимать во внимание восход и заход определенных звезд [VIII], так как они, по его мнению, как правило, приводят к плохому состоянию при применении интенсивного очищения к ослабленным телам.

Боже бессмертный! С каким настроем осмеливаются читать Гиппократа эти медики, игнорирующие астрономию? Подражали бы такому великому учителю, ко-

торый, предвидя чуму, как ссылается Сорано¹⁵, предупредил афинян и оказал им большую помощь, направив своих собственных учеников, за что был вознагражден подарками и почестями. Подражая ему, я сам в этом году предупредил доверяющих мне парижан и известил христианских правителей о том, что они должны стремиться к миру или хотя бы к перемирию в этом действительно гибельном году. Таким образом власть и мудрость могли бы одержать верх над звездами...

Вновь о Гиппократе. Он говорит нам, что врач обязан знать о восходе и заходе звезд, чтобы препятствовать изменениям и эксцессам. Он учит, что от неба исходит слабость, страдание, смерть, всё хорошее или плохое, что есть в человеке, и что появление на свет (роды) задерживается или ускоряется в зависимости состояния луны во время зачатия.

[4. Гален]

Мы должны теперь обратиться к посредничеству Галена, первого из врачей. Гален говорит нам, следуя за Гиппократом, что только врач-астролог может предвидеть будущие болезни [IX] и помешать их свершению, предлагая противодействующие меры. Это утверждение основывается на том, что состояние воздуха — это результат расположения небес, и зависит от их конфигурации. Повторяя за Гиппократом, который связывает астрономию и знание всех этих фактов, Гален говорит: “хотел бы я, чтобы врач, игнорирующий астрономию, знал бы, что в какой-то степени он следует за Гиппократом, который заставляет нас пользоваться услугами астрономии из-за полезности ее предсказаний”. Неужели и вправду наши медики так же следуют?

Гален нас стимулирует авторитетом Гиппократа, потому что не осмеливается привлечь собственный, страшась медиков своего времени. С несколько большей смелостью он продолжает: “То, что происходит без порядка, в материи мира всегда обращается для своего упорядочивания и устройства к тому, что имеет происхождение с небес; действительно, все вещи в этом мире получают от них упорядочение и внешний вид”. II далее: “так радостно познавать силу самых высоких звезд, и в частности Солнца, которое тщательным образом украшает и упорядочивает этот мир. Огромная польза Луны, затрагивающей саму субстанцию вещей, что наиболее показательно в том, что касается морских явлений. Луне также надлежит заботиться об этапах менструальных периодов у женщин, управлять ходом эпилепсии, ускорять, по всей видимости, разложение трупов диких животных”...

[X] Эти слова оказываются настолько ясными, что надо быть полным дураком, чтобы с помощью наблюдения не понять, что наибольшие изменения в воздухе происходят именно во время новолуния. Из этого, заключает Гален, цитируя Арато¹⁶: “по-

¹⁵ Сорано из Феса, будучи немного моложе Галена, написал «*De vita Hippocratis*», книгу, популяризовавшую фигуру великого учителя медицины. Тем не менее он получил наибольшую популярность за свою книгу «*Gimnasia*» о женских болезнях, опубликованную на греческом и французском языках в 1988 году как «*Malades des femmes*» [комм. А.А.].

¹⁶ Арато (315–245 гг. до н. э.) был македонским поэтом, чье единственное сохранившееся произведение, «*Phaenomena*», принесло ему большую известность. Было опубликовано в Страсбурге в 1533 году под названием «*Physica*», один из экземпляров этого издания любознательный Сервет, должно быть, прочел [комм. А.А.].

тому справедливо восхвалять астрологов, которые написали обо всех этих деталях, не упустив даже самого малого”. Прошу вас, читатели, сравнить эти слова с ранее упомянутыми словами Аристотеля, где он восхваляет астрологов за их жажду к философии, которая заставляет их изучать до мельчайших подробностей возможности звезд. Прочтите обо всём этом у самих авторов, и они впечатлят вас в наибольшей степени. И рассудите потом, насколько несправедливо нас осуждают за изучение каждого движения звезд те, кто удовлетворяется только общим знанием того, что небеса движутся, но фактически не знают об этом ничего истинного. Я столкнулся с одним таким, который публично отрицал со своей кафедры различные передвижения планет, потому что достаточно всего одного для производства элемента “огонь”, и отказывался принять, что элементы могут быть сдвинуты небесами иным образом. Такие, и против них философ выступает, делают сами себя недостойными, отрицая вещи, столь очевидные для чувств и принятые всеми философами.

Продолжая рассуждать о движениях Луны, Гален говорит: “Находим абсолютно верным высказанное египетскими астрономами, что Луна может нам предсказать тип дней, которые будут подходящими не только для больных, но и для здоровых, потому что если они находятся во взаимосвязи с теплыми планетами, то они будут хорошими, а если с холодными, то будут плохими”. Еще он приводит другой пример, полезный для тех астрономов, которые формулируют суждения о тех, кто должен родиться. И ты, читатель, постарайся не читать это с закрытыми глазами своего разума [XI].

Боже бессмертный! Сколько вещей я мог бы сделать из этого, если бы я имел дело с истинными знатоками астрономии! Заключая уже против нашего оппонента, приведу слова Галена: “Если ты пренебрегаешь тем, что неоспоримо для астрономов, и не доверяешь тем, кто исследовал этот вопрос, то ты, без сомнения, один из тех софистов, которые сейчас производят столько шума, и требуешь, чтобы тебе обосновывали и демонстрировали ясные и очевидные вещи, в то время как должно быть наоборот — причины скрытых вещей должны быть найдены на основании того, что является очевидным”.

О великий Гален! О идея, достойная быть описанной золотыми буквами и поистине благородная и пророческая. Эти люди хотят заставить нас сегодня доказать, что Солнце светит, не видя ни этого, ни чего-то другого из того, что находится на небесах, потому что никогда ни за чем не наблюдают, зато отвергают всё! И они еще претендуют быть в согласии с Галеном!

Пико, тоже стойкий враг, заявляет, что Гален благосклонен к астрологам, о чем эти противники стыдливо умалчивают. Не понимая на самом деле его слов, наш противник, так же как и его наставник, не только представил их неверно, но и с наглостью набросился на астрологию, причем публично. Затем некто, кто претендовал на исследование причин так называемой “неаполитанской болезни”, скопировал их, как обезьяна, не приписывая ничего небесам, хотя философ учил нас и показал [XII], сколько чудесных и странных явлений происходят от них, ведь большие ниоткуда не

может исходить возникновение новых форм, которые появляются. На том же основании никакая комбинация элементов не может произвести возникновение нового явления на небесном своде. Более того: согласно Аристотелю, элементы не могут принять какую-либо определенную комбинацию, не будучи специально направленными к ней небесами. Действительно, что же такое тогда субординация причин? Но указанный софист, обсуждая понятие влияния, представляемого как качество, не стал вдаваться в этот вопрос.

Наконец, в его время среди врачей было распространено такое же поветрие, как сейчас, и Гален, клянясь бессмертными богами, говорит, что писал об астрономии только по настоятельным просьбам друзей. ... Однако он заверяет нас, что смог передать нам истинные доктрины астрономов и что он повторяет то, что ранее было хорошо известно Гиппократу. Запомните это хорошо те, кто так нелепо интерпретирует Гиппократа! ... Гален утверждает, что он не осмеливается рассуждать об астрономии или геометрии, чтобы не стать ненавистным для неумелых врачей своего времени.

Должны ли и мы в нашем времени хранить молчание, как Гален, из страха перед ними? Напротив, мы провозгласим истину, подчеркнув, насколько они деградировали по сравнению со своими предшественниками. Во имя Бессмертного Господа, я клянусь Галеном, что только по воле друзей я посвятил себя математике, несмотря на то что был полностью погружен в медицину. Я знал, что должен буду сразиться со столькими чудовищами. Но теперь, выйдя на ристалище, я готов оставаться стойким¹⁷.

[II Аргументы и ответы]

Приведу аргументы моего противника. II ответу на них таким образом, что оба они обернутся [XIII] против него.

Первый аргумент. Если астрологи столько раз ошибаются, не предсказывают истинные события и дают невыполнимые или неудачные рекомендации, показывая себя нелогичными и противоречивыми, такая астрология не является искусством. Если они лгут постоянно и не говорят истины, такая астрология не является искусством.

Второй аргумент. Если хотите, чтобы предсказание будущего по гороскопу было верно, необходимо, чтобы не обманывали ни астрологов, ни оптические приборы, ни глаз. Значит, если не обманывает ни то ни другое, с необходимостью следует, что небесный свод остается неизменными и видимым глазу одновременно во всех направлениях. Для того чтобы это действительно происходило так, в свою очередь, крайне важно, чтобы всё было не так как есть¹⁸.

¹⁷ *In arenam descendere* («спуститься на арену») – классическая латинская фраза. При желании и достаточном воображении можно провести аналогию между этой фразой Сервета и корридой или жертвенными аренами первых христиан [комм. А.А.]

¹⁸ Сервет сводит противоположный аргумент к силлогизму *per absurdum*. В данном случае это предполагает неподвижность космоса для того, чтобы сделать надежный и абсолютно верный гороскоп. Он прояснит это, обращаясь к относительности науки, основанной в том числе на неизменных законах природы [комм. А.А.].

Следуйте за моим ответом.

Как красиво запутывается и довольствуется ерундой этот софист со своими ученическими аргументами! Все его энтимемы¹⁹, из которых он стряпает свои гипотетические силлогизмы, первый из которых уже был опровергнут Аристотелем, полностью непригодны.

Вижу, что противник не знает разницы между универсальными правилами, благодаря которым наука имеет прочность, и частными мнениями, по-своему всегда непочными (неосновательными). Правила, установленные Гиппократом, прочны (основательны), но исходя из них два врача будут судить о вещах различным образом, возможно даже диаметрально противоположным. Исходя из одних и тех же законов, два судьи вынесут различный приговор по одному казусу, и даже диаметрально противоположный, на основании различных предположений, предрассудков, влияний и различной эрудиции. Разрушатся ли из-за этого законы и правила Гиппократа? Абсолютно нет! По той же причине правила квалифицированных астрономов сами по себе основательны, но не таковы частные мнения, сформулированные на их основе согласно предположениям различных людей.

Отсюда выводится, что неверно заключение из первой энтимемы [XIV], в том случае если то, к чему стремится противник, это приговорить предпосылки науки в целом. Если он пытается всего лишь показать, что только некоторые из них ошибочны, то охотно соглашусь с этим, но сама наука останется невредимой²⁰.

Тем самым он уже так же ошибся в основе своей второй энтимемы, потому что во всех науках представлены различные мнения и решения, которые как таковые являются доводами, подтверждающими несовершенство не науки, а всего лишь тех, кто ее практикуют. Более того, эти различные мнения, напротив, в конце концов ведут к продвижению самой науки, как показывает неоднократно Понтано, выступая против Мирандоллы²¹. Возможно, единственный вывод, который можно сделать из этих ошибок: те, кто так часто ошибается, не очень сведущи в своей науке.

Тем самым говорю, что иногда чего-то не происходит, даже будучи наблюдаемым человеком, в высшей степени сведущим, как это зачастую происходит и в медицине, согласно свидетельству Гиппократа: “Случается, что нет успеха, хотя всё делается разумно”. Действительно, диагностируя и предсказывая, мы в большинстве случаев используем предположения. Если бы наша интуиция всегда оказывалась верной, то мы

¹⁹ Энтимема для Сервета – вид силлогизма, где отсутствует одна посылка, из-за чего его логическая значимость невелика [комм. А.А.].

²⁰ Вспомним, что мы переводим как наука то, что Сервет согласно стилю, принятому в его время, называет искусством (*ars*). [комм. А.А.]

²¹ Сервет не ограничивается тем, что выступает против некоторых из своих современников, но пользуется случаем воспользоваться знаниями тех, к кому испытывает уважение. От делает это в теологии и сейчас в этом небольшом экскурсе о методологии науки. Джованни Понтано (1426–1503) – выдающийся гуманист, поэт и историк, находившийся на службе у королей Неаполя, в числе прочих работ написал несколько посвященных астрономии *Urania* у *De rebus caelestibus*, к изданию которой в Венеции 1518 года мог обращаться Сервет. Защитник астрологини, он отвечает на критику Пико дела Мирандолла [комм. А.А.].

были бы не людьми, а богами. Значит, нужно уважать знание Бога, осознавать свою ограниченность и не обвинять науку.

Во втором [аргументе] скрыто также много глупости. Желая выглядеть знатоком математики, противник выступает наивным образом.

В первую очередь можно составить гороскоп и не имея астрологии, ведь если я вижу восходящее Солнце и узнал его градус по календарю или еще каким-то образом, гороскоп уже найден. Потому я показал в Географии, что линия меридиана может быть найдена четырьмя способами²². Найдя ее, можно узнать меридиональное время и затем составить гороскоп.

Но необходимо ли, как требует этот человек, чтобы в любой час, когда я пожелаю найти гороскоп по астрологии, по высоте Солнца или по какой-либо другой звезде, небесный свод [XV] оставался неизменным? Так покажется несведущему, но не философу, потому что, по свидетельству Аристотеля против Эмпедокла, луч Солнца освещает все части того же самого прямого пространства не через время, а в один момент времени, как это делает взгляд. Следовательно, нельзя вообразить, что Солнце, зафиксированное сейчас на меридиане, отделится от него раньше, чем его лучи смогут достичь нас, тогда как фактически мы видим, что в этот самый момент времени его лучи проникают в отверстия на секциях астрологии.

Но давайте предположим, что это было не в тот же самый момент времени. Рухнет ли наука из-за этого? Только ли мы будем обязаны безошибочно проводить линии от одной точки к другой? Противник замечает соринку в моем глазу, а не бревно в своем, потому что его аргумент можно обернуть против него так: если лечение одного врача надежно, необходимо, чтобы лекарство имело одинаковые пропорции величин противоположных качеств относительно тех, которые имеет болезнь, помимо собственного темперамента²³. В таком случае, для этого надо, чтобы эти три величины были известны врачу в совершенстве.

Более того, мы хорошо знаем, что необязательно, чтобы было так, ведь в своих работах Гален показывает, что мы знаем о наших темпераментах только по отдаленным предположениям, и даже когда они становятся известны, неизвестно, каково их соотношение. Таким образом, я заключаю, что нет необходимости, чтобы небесный свод оставался неизменным, потому что с того момента, как врач прописал свои средства, и до того, как они будут отменены, произошли изменения в болезни, потому что небеса движутся; наоборот, в этом случае мы должны были бы тем временем приказывать болезни и небесам оставаться недвижимыми. Возможно, мой противник не знаком с тем, что написал Гиппократ: «Но случайность [XVI] непредсказуема». Далее, несмотря на то что в определенный момент непредсказуемое встречается, астрологам, так же как и врачам, нет основания считать ниспровергнутой одну науку более другой.

²² Очевидно, что он ссылается на «Географию» Птолемея.

²³ Переводится как пропорция, пропорции (proportiones), то, что Сервет называет на латыни «mixto» из четырех качеств, смесь которых, согласно аристотелево-галеновой теории, составляет темперамент каждого индивида [комм. А.А.].

Неожиданно оказывается, что врачи выглядят более невыгодно, чем астрологи, наблюдающие видимые вещи, в то время как те наблюдают внутренние части тела, которые остаются для них скрытыми; это объясняет, что их ошибки могут стоить большего количества жизней именно потому, что игнорируется астрономия.

Другая часть аргумента, которую мой противник добавляет, невозможно невежественна. Он говорит, что если астрология не лжет, необходимо, чтобы небо было показано глазу со всех сторон. Что я слышу? Будет нужно подняться на гору и смотреть на горизонт во всех направлениях? Невозможно установить гороскоп, наблюдая за звездой из какого-нибудь окна? Ради Геркуlesa! Всё это знают даже самые отсталые в математике, что говорит о бесстыдстве того, кто осмеливается возражать нам, используя аргумент такого рода.

Я не должен умолчать здесь о том, что некий врач высказал знакомому астрологу, который должен был плыть на корабле в Руан, недоумение по поводу того, что тот, предсказывая другим, не смог предвидеть для себя, и корабль отчалил, оставив того на берегу. Спустя же некоторое время этот врач, рассказывавший другим о симптомах “галльской болезни” и объяснявший слушателям, как обезопасить себя от заразных женщин, попал на одну такую, чья болезнь никак не проявлялась, не заметил, что он заразился, и не смог вылечить растущий паховый бубон. Так что ни врач, ни астролог не могут позаботиться о себе, ведь для таких предсказаний нужен беспристрастный ум²⁴.

Для вашей пользы, слушатели, я хотел собрать эти предложения, никогда раньше не представленные кем-либо, чтобы у вас была возможность защититься, если кто-то из подобных осмелится атаковать нашу науку.

Прощайте.

Смысл. Значение

Судьи не встали на сторону обвиняемого, вынесенный приговор предписывает следующее: «Все экземпляры *Апологии* должны быть отозваны и конфискованы. Вильянуев должен продемонстрировать уважение к профессорам, а они, в свою очередь, должны отнестись к нему, как отцы к своим детям. Он не должен практиковать предсказательную астрологию ни публично, ни частным образом, под угрозой лишиться привилегий, предоставляемых Королем студентам Парижского Университета» [18, VI, p. 36–40].

В результате и от привилегий, и от самого Парижа пришлось отказаться. Сервет не пожелал в «своем времени оставаться немymi от страха», а в противоположность этому провозгласил то, что он почитал истиной, и, «выйдя на ристалище», не только был готов, но и действительно остался стойким.

²⁴ Как видим, Сервет заканчивает эту небольшую полемическую работу со смесью юмора и правдоуочения. Удачный способ публично продемонстрировать свою эрудицию [комм. А.А.].

Сервет возвращается обратно в Шарли, небольшой городок близ Лиона. Сорбонну он так и не окончил; предполагают, что докторская степень была им получена в Университете Монпелье. Во всяком случае, в контракте с лионскими издателями на редактирование переиздания Библии Пагниуса, подписанном в 1540 году, он фигурирует как «Мишель де Вильянуев, называемый Вильянованус, доктор медицины» [18, VI, p. 41].

Представленные фрагменты «Апологии», текст которой насыщен ссылками на признанные авторитеты, демонстрируют, что, обладая колоссальной эрудицией и владея конкретным материалом – как текстовым, так и эмпирическим, Сервет привлекает весь этот материал в качестве доказательства и свидетельства своей правоты. По традиции такая форма должна работать «для других», но «для себя» главным приоритетом для него всегда выступает собственное понимание, мнение-интерпретация, объяснение, и неважно, согласуется ли оно с общепринятым.

Несмотря на то что в данном тексте затронута небольшая область знания, в которую входят медицина и астрология, взятые в их тесном взаимодействии, он демонстрирует характерную особенность философского миропонимания Сервета. Выстроенная им система мироустройства представляет собой объединение несоединимого, нарушение дозволенных границ предметных областей не только внутри науки, но и между наукой и теологией, что позволяло ее автору рассуждать о различных гранях реальности. Возможно, это особый талант мыслителя, редкий и уместный во все эпохи, – видеть целое и не пренебрегать выходящими за общепринятые рамки знаниями и деталями, собирая общую картину бытия на всех возможных и доступных познанию уровнях: видимых и невидимых, выразимых и невыразимых, земных и небесных, духовных и материальных, человеческих и божественных. Каждое выступление Сервета в публичном пространстве – это всегда *нарушение границ: «границ авторитета», «границ дисциплинарности», «самоограничения мысли»*. Касается ли это догматических вопросов христианства, географических описаний, строения и физиологии человеческого организма.

В эпоху, о которой идет речь, объективные внутренние процессы, идущие в глубине парадигмы мышления, как вулканы, прорываются в различных областях знания. Сервет – один из тех выдающихся людей, чья деятельность активизирует этот процесс. Он переступает границы, очерченные традицией и авторитетами, предвосхищая то, что в новой парадигме станет наибольшей ценностью, – получение нового знания [5, с. 118]. Во вступительной статье к полному собранию его сочинений Анхель Алькала пишет: «После долгих лет знакомства с мышлением и экзистенциальной позицией Сервета я считаю, что два его величайших достижения – это его радикализм как метод или научная позиция и требование права на свободу совести и свободное выражение мнений» [12, VI, p. CXIII].

Вопрос о знаке препинания в конце заголовка этой статьи всё же остаётся без окончательного ответа. Каждый из них заслуживает быть поставленным, чтобы дополнить другие. И не только потому, что фигура Мигеля Сервета в истории мысли оценивается неоднозначно, а подчас диаметрально противоположно – от безжалостных приговоров до восторженных дифирамбов [6, 10, 12–15], но и потому, что, по словам самого Сервета, обращенным к Иогану Еколампадино, «...даже если ты знаешь, что я в чем-то ошибся, то это не значит, что ты должен обвинять меня во всем остальном. В таком случае не было бы смертного, который не заслуживал бы быть сожженным тысячу раз» [18. VI, p. 13].

Литература

1. *Бронштэн В.А.* Клавдий Птолемей: II век н. э. – М.: Наука, 1988. – 240 с.
2. *Будрин Е.А.* Антитринитарии шестнадцатого века. Вып. 1. Михаил Сервет и его время. – Казань: Тип Имп. ун-та, 1878. – 381 с.
3. *Бургете Аяла М.Р.* Мигель Сервет. «Святой Еретик» // *Философские науки.* – 2011. – № 12. – С. 61–73.
4. *Бургете Аяла М.Р.* Антропологический оптимизм Мигеля Сервета // *Эпистемология и философия науки.* – 2017. – Т. 54, № 4. – С. 136–149.
5. *Бургете Аяла М.Р.* Историческая личность в пространстве межреальности // *Сложность и проблема единства знания. Вып. 2. Множественность реальностей в сложном мире / И.А. Герасимова, М.Р. Бургете Аяла, Л.П. Кнященко, В.М. Розин.* – М.: ИФ РАН, 2019. – С. 95–141.
6. *Митрохин Л.Н.* Вступительная статья // *Цвейг С. Очерки.* – М.: Советская Россия, 1985. – С. 5–46.
7. *Прист Г.* За пределами мысли / пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Канон+: Реабилитация, 2022. – 464 с.
8. *Степин В.С.* История науки как наука. Введение // *Степин В.С., Сточик А.М., Затравкин С.Н.* История и философия медицины. Научные революции XII–XIX веков. – М.: Академический проект, 2017. – 236 с.
9. *Терновский В.Н.* Андрей Везалий. – М.: Наука, 1965. – 256 с.
10. *Цвейг С.* Совесть против насилия. Кастеллио против Кальвина // *Цвейг С. Очерки.* – М.: Советская Россия, 1985. – С. 299–535.
11. *Abellán J.L.* Historia crítica del pensamiento español. La Edad de Oro. Siglo XVI. – Madrid: Espasa-Calpe, 1979. – 781 p.
12. *Alcalá Á.* Servet: vida, muerte y obra // *Servet M. Obras completas. Vol. 1 / ed. de Á. Alcalá.* – Zaragoza: Prensas Univarsitarias de Zaragoza [etc.], 2003. – P. IX–CLVIII.
13. *Alcalá Á.* Sobre la mente científica de Miguel Servet // *Servet M. Obras completas. Vol. 3 / ed. de Á. Alcalá.* – Zaragoza: Prensas Univarsitarias de Zaragoza [etc.], 2005. – P. XIII–CXIV.
14. *Bainton R.H.* Servet, el hereje perseguido / Traducción, prólogo, bibliografía sobre Servet, por Á. Alcalá; M.E. Stanton, bibliografía. – Madrid: Taurus, 1973. – 301 p.

15. *Barón Fernández J.* Miguel Servet (Miguel Serveto): su vida y su obra / Prólogo de P. Laín Entralgo. – Madrid: Espasa Calpe, 1970. – 323 p.
16. *Menéndez Pelayo M.* Miguel Servet // Historia de los heterodoxos españoles. Lib. 4, cap. 6. – Madrid: C.S.I.C., 1947. – P. 11–390.
17. *Moreno Moreno D.* Miguel Servet teólogo iluminado: ¿Ortodoxia o heregía? – Zaragoza: Institución Fernando el Católico, 2011. – 265 p.
18. *Servet M.* Obras completas / ed. de A. Alcalá. – Zaragoza: Prensas Universitarias de Zaragoza [etc.], 2003–2005. – 6 v.

Статья поступила в редакцию 30.06.2023.

Статья прошла рецензирование 08.07.2023.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.1-200-221

DEFENSE OF ASTROLOGY IS WORTH PARIS, OR ABOUT “THE COURAGE TO USE YOUR OWN MIND”

Burgete Ayala, Marina,

Research Fellow, Institute of Philosophy, RAS,

12/1 Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7741-9983

Scopus Author ID: 57200338686

SPIN-КОД (RISC): 4270-8728

AuthorID (RISC): 183335

ResearcherID J-6575-2018

burguete@mail.ru

Abstract

The article presents a translation of fragments of the text of a Spanish thinker of the XVI century, Michael Servetus (*Spanish: Miguel Servet*), “Reasoning in Defense of Astrology against a Certain Medic.” Despite the fact that this text touches on a small area of knowledge, which includes medicine and astrology, taken in their close interaction, it clearly demonstrates the characteristic feature of Servetus’ philosophical worldview. In the era in question, objective internal processes going on in the depths of the paradigm of thinking, like volcanoes erupt in various fields of knowledge. Servetus is one of those outstanding personalities whose activity activates this process by starting to cross the boundaries outlined by tradition and authorities, anticipating what will become the greatest value in the new paradigm – obtaining new knowledge. This small work is methodological in nature and clearly demonstrates an example of following the chosen personal method, without turning off the path, neglecting the possible consequences.

Servetus hopes to convince the reader that medicine needs additional facts that can be provided by knowledge of the laws of the movement of the heavenly bodies and their influence on human earthly affairs and the state of his health. Observation of astronomical phenomena contributes, in his opinion, to obtaining additional knowledge and experience useful in medical practice.

The system of the world order built by him unites the unconnected, violates the boundaries of subject areas, not only within science, but also between science and theology, which gives him the opportunity to talk about various facets of reality. He demonstrates the talent of a thinker, rare and relevant in all epochs – to see the whole and not to neglect knowledge that goes beyond the generally accepted framework, collecting a general picture of being at all possible and cognizable levels: visible and invisible; expressible and inexpressible; earthly and heavenly; spiritual and material; human and divine.

Keywords: Spanish philosophy, history of medicine, astronomy, astrology, Michael Servetus (*Sp.: Miguel Servet*), boundaries of scientific knowledge, worldview.

Bibliographic description for citation:

Burgete Ayala M. Defense of Astrology is Worth Paris, or About “The Courage to Use Your Own Mind”. *Ideí i ideály = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 3, pt. 1, pp. 200–221. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.1-200-221.

References

1. Bronshten V.A. *Klavdii Ptolemei: II vek n. e.* [Claudius Ptolemy: II century AD]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 240 p.
2. Budrin E.A. *Antitrinitarii sbestnadsatogo veka*. Vyp. 1. *Mikbail Servet i ego vremya* [Antitrinitarians of the sixteenth century. Iss. 1. Mikhail Servet and his Time]. Kazan', Imperial University Publ., 1878. 381 p.
3. Burgete Ayala M.R. Migel' Servet. «Svyatoi Eretik» [Miguel Servet. Holy Heretic]. *Filosofskie nauki = Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2011, no. 12, pp. 61–73.
4. Burgete Ayala M.R. Antropologicheskii optimizm Migelya Serveta [Miguel Servet's Anthropological Optimism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and Philosophy of Science*, 2017, vol. 54, no. 4, pp. 136–149.
5. Burgete Ayala M.R. Istoricheskaya lichnost' v prostranstve mezhreal'nosti [Historical personality in the space of interreality]. *Slozhnostnost' i problema edinstva znaniya*. Vyp. 2. *Mnozhestvennost' real'nostei v slozhnostnom mire* [Complexity and the problem of unity of knowledge. Iss. 2: Multiplicity of realities in a complex world]. Moscow, IF RAN Publ., 2019, pp. 95–141.
6. Mitrokhin L.N. Vstupitel'naya stat'ya [Introductory article]. Zveig S. *Ocherki* [Essays]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1985, pp. 5–46.
7. Priest G. *Za predelami mysli* [Beyond the Limits of Thought]. Moscow, Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., 2022. 464 p. (In Russian).
8. Stepin V.S. Istoriya nauki kak nauka. Vvedenie [The history of science as a science. Introduction]. Stepin V.S., Stochik A.M., Zatravkin S.N. *Istoriya i filosofiya meditsiny. Nauchnye revolyutsii XII–XIX vekov* [History and philosophy of medicine. Scientific revolutions of the XII–XIX centuries]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2017. 236 p.
9. Ternovskii V.N. *Andrei Vezalii* [Andrey Vesaliy]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 256 p.
10. Zveig S. Sovest' protiv nasiliya. Kastellio protiv Kal'vina [Conscience is against violence. Castellio vs. Calvin]. Zveig S. *Ocherki* [Essays]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1985, pp. 299–535.
11. Abellán J.L. *Historia crítica del pensamiento español. La Edad de Oro. Siglo XVI*. Madrid, Espasa-Calpe, 1979. 781 p.
12. Alcalá Á. Servet: vida, muerte y obra. Servet M. *Obras completas*. Vol. 1. Ed. de Á. Alcalá. Zaragoza, Prensas Univarsitarias de Zaragoza [etc.], 2003, pp. IX–CLVIII.13. Alcalá Á. Sobre la mente científica de Miguel Servet. Servet M. *Obras completas*. Vol. 3. Ed. de Á. Alcalá. Zaragoza, Prensas Univarsitarias de Zaragoza [etc.], 2005, pp. XIII–CXIV.

14. Bainton R.H. *Servet, el hereje perseguido*. Traducción, prólogo, bibliografía sobre Servet, por Á. Alcalá, M.E. Stanton, bibliografía. Madrid, Taurus, 1973. 301 p.
15. Barón Fernández J. *Miguel Servet (Miguel Serveto): su vida y su obra*. Prólogo de P. Laín Entralgo. Madrid, Espasa Calpe, 1970. 323 p.
16. Menéndez Pelayo M. Miguel Servet. *Historia de los heterodoxos españoles*. Lib. 4, cap. 6. Madrid, C.S.I.C., 1947, pp. 11–390.
17. Moreno Moreno D. *Miguel Servet teólogo iluminado: ¿Ortodoxia o heregía?* Zaragoza, Institución Fernando el Católico, 2011. 265 p.
18. Servet M. *Obras completas*. Ed. de A. Alcalá. Zaragoza, Prensas Universitarias de Zaragoza [etc.], 2003–2005. 6 v.

The article was received on 30.06.2023.

The article was reviewed on 08.07.2023.